Автор: admin
07.02.2011 10:38 - Обновлено 04.11.2014 09:28

Как привлечь ребенка к совместному творчеству? Диалоги о валянии. Часть 1

Главное в привлечении ребенка к какому-либо виду деятельности – ненавязчивость. Как бы странно это ни звучало. Принцип Марии Монтессори «Помоги мне сделать это самому» вечен, как вечны и детские вопросы: «А что это ты делаешь? А можно мне тоже так поделать?» Я задавала их своей бабуле, когда она рукодельничала, мои дети допытываются у меня, а через много десятков лет и их внуки спросят: «А что это ты делаешь?» И продолжается диалог длиною в вечность, и вновь раздается снисходительное взрослое: «Конечно, можно, смотри, как это делается…» И в ответ восторженное детское: «Ух, ты! Дай мне тоже попробовать, самому!» И продолжится творчество в четыре руки…

Вечер. Я уютно устроилась с очередным заказом в кресле, шуршит игла о поролон, уже проявляется образ новой игрушки. В соседней комнате что-то бурно обсуждают мой младший четырехлетний сын и подкинутая молодыми родителями племянница пяти лет. Обсуждение переходит в дружный вопль, и ко мне выскакивает Анка.

– А что это ты делаешь? – глазенки уже горят, ручками тянется к игле и шерсти. Понимаю, что работу над заказанным зайцем придется временно отложить, и отвечаю на вопрос.
– Я валяю! – голос звучит достаточно гордо, но малышка окидывает меня удивленным взглядом.
– Валяешься? Но ты же сидишь, тетя Алена! – недоуменно пожимает плечами Анюта.
– Сижу и в-а-л-я-ю, – улыбаюсь в ответ, уже зная, что последует за этим.
– А как это ты валяешь? А кого? А иголка тебе зачем? – градом сыплются вопросы. Со вздохом отложив выполнение заказа, достаю прядку некрашеной непряденой шерсти («сливер» по-научному) и безопасное устройство для валяния вместе с матом-щеткой. Это мы уже проходили, младший тоже допытывался, пока первого кота не свалял с моей помощью.

– Вот видишь, Анечка, это шерстка овечья, непряденая, её еще в нитки шерстяные не переделали, вот из неё я и валяю. Если по-другому сказать – работаю в технике фильцнадель. – Неизвестное слово не производит никакого впечатления, ей непременно надо понять, почему то, что я делаю, называется «валяние». Задумываюсь над терминологией, пока Аня теребит шерсть и пробует тыкать в неё устройством с иголками. Естественно, у неё это не получается – я блокировку ещё не сняла. Ставлю мат-щетку на детский стол, кладу сверху прядку шерсти и щелкаю предохранителем,

попутно объясняя технику безопасности.

– Вот видишь, Ань, на кончиках этих пяти иголочек – зубчики маленькие? Они проходят сквозь волокна шерстки и перепутывают их. Чем дольше ты будешь иголками тыкать (валять), тем сильнее шерстка перепутается (сваляется) и получится плотный комочек, войлок.
– Ну, так я же не валять буду, а втыкать! – удивляется теткиной необразованности племянница.
– Валяние – это просто слово такое, из прошлых времен еще. Тогда шерсть по-другому переделывали в войлок – её чесали, а потом намыливали, заворачивали и валяли прямо ногами или руками, катали по земле или по столу. Иголками уже позже начали перепутывать, а слово осталось то же.
– Вот послушай – ва-лен-ки. Ва-ля-ние. Похожи слова? – горжусь собой очень, не предвидя пока ничего дурного. Дитя быстро и по-детски профессионально ставит меня в тупик.
– А что, их тоже иголкой валяют? Или иголки намыливают мылом? – искренне недоумевает девочка. Тут на помощь мне приходит сынуля.
– Мам, я тоже хочу валять! Пойдем в ванную! Там же еще остались шарики для бусинок шерстяных? – тянет меня за руку сын. Предчувствуя, что вечер удастся на славу и соображая, во что потом переодевать детей, я поддаюсь и иду с ними в ванную. В ванной комнате я открываю очень теплую воду, достаю с полочки баночку с заваренными мыльными хлопьями и миску с шерстяными шариками-заготовками для бус. Сын намыливает бусину и катает в ладонях, а Аня подражает ему.
– А что это мы делаем? – интересуется все же девочка.
– Мы валяем! – кузен отвечает ей важно, со знанием дела. Сестренка смотрит на него, потом на меня – совсем запутали бедную девочку!

И я, присев на край ванны, начинаю рассказ о том, как в давние-предавние времена жили-были люди, пасли овец, и переходили с пастбища на пастбище за прожорливыми питомцами – кочевали с места на место, так их и прозвали – кочевники. Жили они тогда в хижинах из веток и стволов молодых деревьев, иногда покрывая их шкурами овец и каждый раз разбирая и собирая их при переходе на другое место.

Сейчас уже неизвестно, когда именно появился первый войлок, но в легенде рассказывается, что однажды вечером, когда кочевники уже состригли шерсть с овец, но еще не успели её выбросить подальше, началась сильная гроза, и они, побросав все, забрались в хижины, дрожа от страха и холода, промокшие и усталые. Наутро, едва взошло солнце, кочевники выбрались из убежищ и обнаружили, что шерсти нет, – ветер унес её куда-то далеко. Только через несколько дней нашелся огромный рулон, зацепившийся за камни в степи. Подошедшие пастухи развернули рулон и увидели, что

шерсть свалялась в войлок – плотное и необычайно толстое полотно. Кочевники развесили его на хижинах для просушки, и тут вдруг снова пошел дождик. Забравшиеся внутрь крытых хижин люди поняли, что войлок не пропускает воду! Они развели костер, согрелись и сварили еду. Дым выходил в отверстие на верхушке хижины, не закрытое войлоком.

Шли года, десятилетия, века – о необычайных свойствах шерсти сваливаться узнали другие люди, научились делать из войлока шляпы, валенки и многое другое. Валенки и шляпы валяют почти так же, только в окончательной стадии изделие одевают на колодку нужного размера. И в наши времена валенки можно купить, их на фабриках делают, да и шляпы шерстяные, фетровые по-прежнему популярны.

Пока я сказку сказывала, народ делом занимался, шарики в ладошках мыльных катал, периодически смывая и снова намыливая бусины. Понятно, что вымокли оба изрядно, придется переодевать.
– Ой, а моя бусина меньше стала, чем те, которые в мисочке лежат! – испуганно смотрит на меня Аня. Успокаиваю её, объясняя, что от горячей воды и мыла шерсть становиться меньше, дает «усадку». Сыну уже надоело валяние, он моет руки и вопит, чтобы его переодели – машинки заждались уже! Анютка, которой надоели за весь день как раз машинки, переодевшись в сухое, снова пристает ко мне.

– Тетя Алена, а я еще хочу повалять! – усаживается за столик и выжидательно так смотрит на меня.
– Хорошо, но ты реши, что именно ты хочешь сделать. Придумай, и тогда будет понятно, какую простую форму тебе свалять надо, – я уже смирилась с тем, что зайца придется доделывать поздним вечером.
– Я хочу девочку свалять, потом папе подарю! А что такое «простая форма»? – подпрыгивает на стульчике племяшка. Терпеливо объясняю (иначе не отстанет), что «простой» называют ту форму, с которой начинается валяние. Для головы девочки это шарик, для туловища – «огурчик» овальный, для рук и ног – «колбаски» шерстяные. Вместе делим шерсть на несколько частей, потом она начинает работу, а я показываю, куда лучше иголки втыкать. Устройство ей не нравится, объем и правда получается плоховато, и я, скрепя сердце, показываю приемы работы с японской фильдц-иглой.

К моему великому облегчению дитя ни разу не втыкает иглу себе в палец, четко понимает, что вводить и выводить иглу надо под одним и тем же углом и быстренько так сваливает свою девочку. Скептически оглядев шедевр, юная рукодельница убегает в детскую, откуда уже несколько минут раздаются призывные крики и обещания

«поиграть в сокровища и джунгли». Беру в руки куколку, немного подправляю соединения деталей, корончатой иглой закрепляю ротик-улыбку и глазки, и вспоминаю другой диалог о валянии, в парке.

Автор - **Алена Прохорова**
Источник